



Александр Царёв

Прогулка по Везуввию

Криминально-
любовный триллер про
Одессу 1920-х годов

Александр Царёв

**Прогулка по Везувию.
Криминально-любовный
триллер про Одессу 1920-х годов**

«Издательские решения»

Царёв А.

Прогулка по Везувию. Криминально-любовный триллер про Одессу 1920-х годов / А. Царёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502740-5

Альфред Верховный — аристократ, переживший войну и революцию. Его огромное наследство исчезло без следа. Возможно, из бездны отчаяния его спасет роман с прекрасной певицей из Франции? Однако всё, что он может ей предложить — это комнату в коммуналке. Ему приходится воспользоваться своими связями с криминальным миром, который затаился во многих уголках прекрасной Одессы. Здесь многие ведут за ним охоту, но на какие жертвы не пойдёшь ради любви? Да и у Альфреда найдётся пара козырей в рукаве.

ISBN 978-5-00-502740-5

© Царёв А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**Прогулка по Везувию
Криминально-любовный
триллер про Одессу 1920-х годов**

Александр Царёв

© Александр Царёв, 2019

ISBN 978-5-0050-2740-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Я проснулся от навязчивого стука в дверь. Накинув на себя первые попавшиеся вещи, я хмуро побрел через заваленную хламом комнатку. Не думая ни о чем, и без всякого интереса, я приоткрыл дверь. В дверной щеле показалось круглое, встревоженное лицо тети Сони — старшей по нашей коммуне и, по слухам, хозяйки этой квартиры в былые времена.

– Альфред, к тебе пришли. – Тихо прошептала она.

– Кто? – Все также холодно поинтересовался я.

– Чекисты. – Быстро отрезала она. Мгновенный холодок пробежал по моей коже, последствия сна отступили в миг. Мои глаза быстро пробежали по кругу- не застеленная кровать, шкаф эпохи ренессанса и идентичный ореховый комод, в котором был спрятан револьвер.

– Эй! Шо стоишь? Иди, давай, другого выхода нет. —

Одернула меня шепотом тётя Соня.

Уяснив, что и правда другого выхода нет, я прошел через не очень длинный коридор на кухню округлой формы. В центре помещения, за круглым столом, сидели две темные фигуры. На них были шляпы и кожаные пальто. Они оба воткнули свой дубовый взгляд куда-то в район сахарницы, которая стояла в центре стола.

– Альфред Розенберг? – Приподнял на меня голову один из них. Я рассмотрел его огромный бугристый нос и глаза, не

естественного вида, наверняка пораженные какой-то болезнью.

– Нет. – Тихо ответил я. – Моя фамилия Верховный. – Второй чекист медленно оторвался от стула и подошел ко мне. Он протянул руку, кисть которой уродовал сильный ожог. В обожженных пальцах красовалось удостоверение ЧК ОГПУ.

– И все-таки, мы бы хотели убедиться... – Недоверчиво сказал он. – Предъявите свои документы. Я, мельком, заглянул в его пустое лицо. Его серые глаза выражали готовность арестовать меня в любой момент.

– Одну минуту. – Сказал я и направился в комнату. Я вернулся с паспортом, руки мои слегка подрагивали.

«„Бугристый нос“» жестом указал мне присесть за стол, я повиновался. Он взял мой документ и начал детально его осматривать.

– Чаю... Товарищи? – Подобострастно спросила тетя Соня. Я осознал ее неуверенный тон, так как она, по привычке, чуть не сказала «Господа»; Чекисты оставили ее вопрос без ответа.

«„Бугристый нос“» вертел в руках мой паспорт, будто искал в

нем что-то запрещенное.

– В округе орудует банда «Черная кошка»; под предводительством Альфреда Розенберга. По нашей информации, Розенберг скрывается в этой квартире.

– Скорее по доносу. – Не понятно зачем, сказал я, и тут же поправил себя. – По лживому доносу.

– У вас есть враги? – Поинтересовался «обоженная рука», терроризируя меня стальным взглядом.

– Вроде бы нет. – Ответил я.

– Тогда зачем им писать лживый донос? – Спросил «бугристый нос».

– Альфред Верховный, проследуйте с нами. – Приказал «обоженная рука».

– Товарищи, я так считаю, что в этом нет необходимости. — Вступилась за меня тетя Соня. Оба чекиста молниеносно повернулись в ее сторону, ошав от такой наглости.

– За него может кто-то поручиться? – Спросил более лояльный «бугристый нос».

– Комиссар Гофтман вам знаком? – Поспешила сказать тетя Соня. – Между прочим, Альфред Верховный, является его лучшим другом. Комиссар Гофтман наш сосед, живет напротив.

– Значит Гофтман? – Недоверчиво переспросил «бугристый нос».

– Если хотите, я могу его позвать. – Предложила тетя Соня. Я пришел в недоумение от столь настырного вранья, так как Гофтман был последним, кого бы я мог назвать своим лучшим другом.

– В этом нет необходимости. – Сказал «бугристый нос» и протянул мне мой паспорт, предварительно громко захлопнув его, затем оба чекиста встали.

– Я вас провожу. – Сказала тетя Соня, я пошел следом, не веря в происходящее.

В парадной, как по заказу, стоял и курил Гофтман. Он походил на обычного гражданина, так как был одет в майку и подштанники. Именно поэтому чекисты изначально прошли мимо, видимо не узнав его, но затем резко обернулись и начали наблюдать. Безусловно, они узнали его лысую голову и черные брови, которые густели с каждым днем. Тетя Соня жалобным взглядом посмотрела в суровое чекистское, но при этом безразличное лицо Леонида. Я туже смекнул, что концерт еще не окончен, поэтому нужно брать дело в свои руки.

– Доброе утро, Леонид. – Я сделал шаг к нему навстречу и протянул руку.

– Доброе. – Леонид крепко пожал ее. «Бугристый нос» тут же направился вниз по лестнице. Мне показалось, что у

«„обоженной руки“» сверкнула искра ненависти в глазах, перед тем как он удалился за своим коллегой.

Не желая долго общаться с Гофтманом, я вернулся в квартиру, следом вошла тетя Соня.

– Ты то, хоть, будешь чай? – Спросила она.

– Конечно. – Ответил я. Круглое лицо тети Сони расплылось в улыбке. Она, как искусный кельнер, разлила по чашкам напиток. Не смотря на излишний вес и далеко за бальзаковский возраст, она всегда отличалась отменным здоровьем.

– А с каких пор все чекисты так реагируют на Гофтмана? — Спросил я.

– Альфред, ты, таки, прибываешь в другом мире. —

Отшутилась она. – Ведь Леонид Давидович получил место зам. по... у самого Блюмкина.

– Какие еще новости я не знаю?

– Ой-ой-ой! – Тетя Соня махнула рукой. – Остальные новости не столь значительны.

– Ну расскажите, раз, в кое-то веки, мы пьем чай вдвоем. – Я проявил излишний интерес специально, так как знал, что тетя Соня любила посплетничать.

– Доктор Блюменколь захворал. Уже третий день не выходит из комнаты. Петр Гобченко невестой обзавелся, вот свадьбу скоро будет праздновать.

– Понятно. – Я допил чай и уже собирался уходить, как вдруг тетя Соня сказала.

– Подожди Альфред, совсем забыла тебе сказать. Тебя Инна просила зайти.

Интересно судьба распорядилась, поселив мою бывшую жену Инну Балконскую в соседней комнате. По бабушке фамилия Инны Жигачь. Когда мы были женаты, она была Верховная, а после революции, когда нужно было менять паспорта, она выбрала себе и нашему сыну фамилию известного князя Балконского, что довольно безрассудный поступок с учетом отношения сегодняшней власти к буржуазии.

Дверь в комнату Балконских была открыта. Напротив двери стояла заправленная золотистым покрывалом кровать, где Инна спала с нашим сыном Даниилом. Слева от кровати был дорогой шкаф, оставшийся от предыдущих хозяев

квартиры, рядом со шкафом валялись деревянные игрушки. Справа от кровати стояло огромное зеркало, возле которого на мягком табурете сидела Инна и расчесывала свои русые волосы. Тумбочка возле зеркала изобиловала различными атрибутами женского туалета.

– Папа! – Даня подбежал ко мне и обнял мои ноги. Я погладил его по волосам, цвет которых был как у мамы. —

Семка с соседнего двора постоянно покупает много семечек, всем дает, а мне нет. – Обиженно сказал он. Я запустил руку в карман, нащупал там мелочь и отдал ее сыну.

– Купи сегодня себе тоже и ему давай.

– Спасибо! – Даня убежал гулять.

– Ты хотела меня видеть? – Спросил я у Инны.

– Дашь закурить? – Инна взяла с комода пыльный мундштук.

– Не курю. – Сказал я. Она посмотрела на меня недоверчиво.

– Тебе нужно отучаться от аристократических привычек.

Нынче женщинам курить не модно, если ты, конечно, не работаешь на заводе. – Инна обиженно отвела взгляд, ее буржуазные манеры, которые она приобрела во время нашего брака, после развода приобрели новую форму.

– Ладно, Альфред. – Устало сказала она. – Нам нужны деньги. Дане пора в школу идти, ты ведь не хочешь, чтобы он рос как беспризорник и походил на твоих дружков.

– Верно, не хочу. – Спокойно сказал я.

– Ты нашел работу? – Спросила она.

– Нет.

– Собираешься искать?

– Возможно.

– Альфред, я тебя прошу. – Ее тон изменился на теплый и заботливый. – Только не иди к бандитам. Дане отец, какой ни какой, но все же нужен. – Я промолчал. – Сейчас жизнь — это какой-то ужас. Одесса то под красными, то под белыми, с продуктами дефицит. Мы, конечно, все знаем, как их достать, но нам с Даней нужны деньги.

– Они сейчас всем нужны. Вы не голодаете это уже хорошо.

– Это да, но хочется чего-то большего. Хочется хорошей жизни. Знаешь, иногда я вспоминаю те времена, когда я только выходила за тебя замуж. Какая я тогда была счастливая. Я, деревенская девчонка, а мой муж потомок дворян и зажиточных польских купцов, с огромным наследством. Было время...

– Было...

– Ты извини, я понимаю, что у тебя сейчас много проблем, но подумай о сыне.

– Я что-нибудь придумаю. – Сказал я, затем порылся в кармане пиджака и протянул Инне пачку сигарет. – Кури. — Она на мгновение сделала ядовито-обиженное лицо, затем сдула пыль с мундштука и закурила. – Знаешь, иногда мне кажется, что тебе нужно попасть на фронт. – Начал говорить я. – Пережить все лишения той жизни и понять, какое счастье набить брюхо досыта мясной или рыбной похлебкой вечером. Тогда ты и поймешь счастье спокойной и мирной жизни.

– Но ты ведь не был на фронте! – Импульсивно возмутилась

Инна.

– Ну да. Но у меня хорошо получается, правда? Я, так сказать, приобщаюсь к коммунистическому строю. Нынче воевать за красных в почете.

– Ты не исправим.

Я оставил Инне пачку и ушел в свою комнату. Я переоделся в более цивильный наряд, затем вернулся на кухню. Там уже сидел, мой друг – Абрам Исаакович Оксенкруг, в народе – «Окс». Он уплетал за обе щеки форшмак, намазанный на мацу, и вместе со сдобной выпечкой тети Сони запивал это все кофе.

– Приветствую. – Сказал я.

– Шалом. – Ответил он с набитым ртом. – Ты не стесняйся, присаживайся, почувствуй себя, как дома. – С еврейским акцентом сострил он.

– Благодарю. – Я откусил маленький кусочек печенья и на этом завершил трапезу. С утра мне кусок в горло не лез.

– Я слышал, шо ЧК менжуетя по поводу Розенберга. – Начал расспрашивать Окс. Эх, тетя Соня. Уже все рассказала.

– Да.

– Это и не удивительно. Красные не любят «Черную кошку». В Одессе за всю историю ни одна банда не наводила такого шороху. Я слышал, шо там много офицеров из разбитой армии белых.

– Думаю, это всего лишь слухи, хотя все возможно.

– Ладно, мне это таки не важно. Вечером мой старый подельник Бенья, зовет посидеть в «Мурку» на Пересыпи. Пойдешь с нами?

– А как же? Конечно, пойду.

– Идем пока прогуляемся.

Мы спустились во дворик. Детвора резвилась, постоянно задевая развешенное на веревках белье. За ними, как надзиратель, наблюдала Ольга Вольф – наполовину еврейка, наполовину итальянка. Она была широкая в бедрах и талии, с загорелым лицом и слегка монгольскими глазами. Она никогда не снимала бигуди с волос и имела в своем гардеробе несколько красных халатов в цветочек.

– Оксенкруг! – Закричала она писклявым голосом, когда мы проходили мимо.

– Я вас слушаю, Ольга Иосифовна.

– Почему тебя сегодня не было в синагоге?! – Возмущалась она. Окс не знал, что ответить, поэтому она продолжала. — Тогда быстро скажи мне, куда дойдет коммунизм?! – Забыл сообщить, что помимо всего прочего, она была ярая идейная коммунистка.

– Я, к сожалению, запамятовал. – Стыдясь, ответил Окс.

– Запомни! Запомни, коммунизм дойдет до Пьяцуале

Лорето! Это я вам говорю! Я вам клянусь! Коммунизм, захватит всю Европу и финальной его частью будет красный парад на Пьяцуале Лорето! Альфред, не убирай глаза! Тебя это тоже касается. Запомни, коммунизм дойдет до Пьяцуале Лорето!

– Она буйно помешенная. – Сказал я, когда мы выходили через арку в открытый город.

– Так, таки да. – Согласился Окс.

– Ее давно пора запереть в дом для душевно больных.

– Понимаешь дорогой, если бы не ходили слухи о том, шо в

таких одесских домах прячут дворян с кучей золота, то " Черная кошка" не совершала бы на них набеги. – Начал говорить он со своим привычным акцентом. – А если бы " Черная кошка" не совершала набеги, то и дома для душевно больных были бы в порядке. И Ольга Иосифовна давно бы нашла покой там.

Поздней весной Одесса была окутана ароматом сирени и белой акации. В определенных районах центра города стоял мир и спокойствие. Как будто совсем недавно не было войны, не было революции, не было конных отрядов на улицах города, не было выстрелов, разрухи и ужасных смертей. Хотя может ли хоть какая-то смерть быть не ужасной?

Лучи солнце разрезали белые, как наряд невесты, облака. Копыта лошадей извозчиков постукивали по брусчатке. Вокруг кипела жизнь, люди были заняты мирными заботами. Отовсюду доносились звуки. Они исходили из дворов, где резвилась детвора, из приоткрытых окон первых этажей. Оттуда с одинаковым шумом слышались и веселье и брань. Сегодня на Базарную улицу завезли питьевую воду, поэтому мне навстречу шли толпы людей с бидонами и ведрами. В некоторых толстых женщинах я узнавал своих давних знакомых, с которыми мы, каких-то 10 лет назад, кружились в белых танцах на балах. Они адаптировались к новой жизни, растворившись в ней. С

войны прошло совсем немного времени, но к новой жизни привыкли все, кроме меня, пожалуй...

Вечером мы сидели за деревянными столами в " Мурке". Играла хмельная веселая музыка, бендюжники и моряки пытались произвести впечатление на распутных барышень, которые на самом деле были не такие уж и простые. Мы ели уху, рыбный паштет и щучью икру, запивая самогоном местного производства.

Беня, подельник Окса, был старый бывалый еврей, который большую часть жизни отходил моряком, а когда

началась еврейская смута, то подался в бандиты и налетчики.

– Беня, а ты с кем-то из «Черной кошки» знаком? – Между беседой спросил Окс.

– Лично не имел такой возможности, но многое доходило до моих ушей. Вот твой корефан Альфред- узнай у него. Я таких сразу выкупаю, он что-то знает про них. – Я усмехнулся и выпил чарку самогона. Беня закусил зубами папиросу и предложил нам. Окс отказался, у него недавно выявили какую-то болезнь легких. Я тоже решил не брать.

– Знаешь, Беня, иногда мне кажется, что этой «Черной кошки» вообще не существует.

– Ха. – Беня рассмеялся. – Да про них каждый легавый говорит с утра до ночи.

– Не знаю, может это специально выдуманный миф? Или кто-то в ЧК пыль бросает?

– Не-е-ет. – Пьяно затянул Беня. – Я видел Альфреда

Розенберга еще по молодости, а мой знакомый лично его знает. – Видимо, пьяный Беня забыл, что только что говорил обратное.

– А я таки уверен, шо тут какой-то разводняк. – Продолжал спорить Окс. – Сейчас много кого можно принять за Розенберга. Вон к Альфреду утром из ЧК приходили.– Окс указал на меня. – Тоже проверяли, не Розенберг ли он.

– Слушай, а как твоя фамилия? – Обратился Беня ко мне.

– Верховный.

– Ого. – Беня откинулся на спинку стула. – Ну, ничо себе.

– Польские корни. – Подметил Окс. Нам принесли еще одну порцию рыбного паштета.

– Слышь, Окс. – Сказал Беня, выдохнув свой едкий дым в находящуюся на столе еду. – Пойдём-ка, выйдем.

– Дорогой, я таки понимаю, о чем ты. – Затянул своим акцентом Окс. – Альфред мой верный товарищ. У меня от него секретов нет.

– Дельце есть на миллион. – Тихо сказал Беня. – Через неделю будут везти драгоценности, персидские. Это контрабанда комерсов. Драгоценности выгрузят в порту и спрячут в турецкие ковры. Налет будет просто огонь, золотое дно, всё в ажуре.

– Не, Беня. Ты ведь знаешь, я только по мелким кражам. — Отнекивается Окс.

– Да ладно тебе!

– Опана! – Послышался бас слободского громилы, который проходил мимо нашего стола. – Это хто у нас тут по кражам?

– Он пристально посмотрел на Окса. – Э, урки! – Он свиснул

так, что приглушил музыку. К нам подошли еще четверо громил. – Посмотрите на мелкого. – Зачинщик намекнул на

невысокий рост Окса. – На днях мою сестренку обчистили, зуб даю, видел его там.

– Дорогой, ты меня с кем-то путаешь. – Спокойно ответил ему Окс.

– Какой я тебе дорогой?! – Громила нагнулся к нему. – Куда добро дел, падлю?!

– Ну-ка, хари задвинули! – Рывкнул Бенья. А затем продолжил хриплым шепотом. – Вы шо не видите, шо за соседним столом сидят чекисты. – Я обернулся и среди четырех темных фигур сразу узнал утреннего знакомого — «Обожженную руку». Я резко отвел взгляд, чтобы он меня не узнал. – И, вообще, если хотите разборку, то давайте завтра на Слободке, я позову Шимшона Кофтмана и Борьку Московского. – Продолжал Бенья.

– Ты шо думаешь, ты один серьезных людей знаешь? Да у меня брат кум Борьки Московского.

– Да у меня брательник чай гоняет с самим Розенбергом. — Встрял второй громила. – Так шо давайте сейчас решать... – У него из под рукава сверкнуло блеском – это был ножик. Я вдруг понял, почему мне было так знакомо лицо первого громилы.

– Виля? – Наугад поинтересовался я. Громила покосился на меня.

– Альфред? – Удивился он. – Дружище!

веселье тут происходит ночью. Внезапно, из-за угла показалась стая собак, они с лаем и визгом бросились на меня. Я не придал этому особого значения. Скорее всего, они просто были голодны, но покормить мне их было нечем. Подходя к нужной мне арке, я услышал из

соседнего двора звуки балалайки, видимо самые стойкие продолжали гулять и утром.

Очутившись в нужном дворике, я, на всякий случай, осмотрелся. Ничего, кроме одного дерева и спокойно висящего белья на веревках, я не увидел. Я поднялся по скрипучей, держащейся на соплях, деревянной лестнице на второй этаж, при этом мысленно надеясь застать своего друга Шимона Кашерного дома.

Дверь была слегка приоткрыта, впрочем, как обычно. Войдя, я заметил гору грязной посуды, лежащей в раковине не меньше недели, над которой летали летние мухи. У стены стоял стол, покрытый слоем пыли, а в углу несколько стеклянных бутылок, от которых почему-то шел запах гнилых фруктов.

В квартире стояла тишина, и лишь непрерывное жужжание насекомых нарушало ее. Соседями Шимона были старые алкоголики, которые редко появлялись дома. Шимону же было все равно на чистоту в его квартире, которую он, между прочим, использовал исключительно для работы. Он занимался продажей редких картин, которые, в свою очередь, перекупал у контрабандистов и воров.

Я постучал в первую дверь после кухни, из-за нее послышался хриплый голос.

– Влазьте. – Что означало «войдите», Шимон сидел на полу возле подозрительно низкого китайского столика, на котором стояли забитая доверху окурками пепельница и чайник с чаем. Он держал зубами папиросу и вертел в руках какие-то бумажки, похожие на валюту другой страны. К слову, в комнате стоял отвратительный запах дыма, дышать здесь было невозможно. Впрочем, Шимону на это было все равно, он всегда стремился поддерживать подобную обстановку в комнате. Вокруг него был бардак необычайный: разбросанные деревянные изделия и скомканные покрывала вкупе с облаками дыма не давали возможности найти

местоположение кровати.

– Шалом. – Сказал Шимон обернувшись.

– Здравствуй. – Ответил я.

– Какими судьбами занесло?

– Мимо проходил, вот заглянуть решил.

– Ну, проходи, курить будешь?

– Нет, благодарю, у меня есть. – Я размышлял присесть мне рядом с Шимоном на пол, или остаться стоять.

– Как твое ничего? – Спросил Шимон.

– Живу потихоньку, вот работу ищу. – В ответ он рассмеялся.

– Ты и работа?! Не смей меня аристократ — романтик.

– Но деньги то мне нужны. Вот сына в школу пора отправлять.

– Хочешь бабки? – Шимон приподнял бровь. —

Могу подкинуть работенку. – Он потушил папиросу, резко встал и направился к предполагаемой кровати, отдернул красное покрывало и двумя руками взял картину. На ней густым маслом были изображены танцующие балерины. – Знаешь шо это? – С вызовом спросил он.

– Только не говори, что это то, о чем я думаю.

– Да, это картина Дега. Причем не липа какая-то, а оригинал. Не спрашивай, как она ко мне попала, интересно другое – сколько за нее мне заплатят барыги, перекупщики из Америки? А заплатить должны очень много, вот это будет навар...

– С каких пор ты держишь товар дома? – Спросил я.

– С не давних. Барыги будут в городе со дня на день, но мне трудно будет передать им товар. Меня круглые сутки пасет ЧК. – У Шимона уже было много обысков, но все сбережения он хранит у тещи еврейки. Жена его пропала без вести на войне, но я никогда не видел скорби в

его глазах по этому поводу. Зато с тещей у него хорошие отношения и он безбожно использует ее в своих криминальных делах.

– Ко мне тоже недавно чекисты заходили.

– И шо хотели?

– Разыскивали Альфреда Розенберга, слышал что-то про него?

– Конечно, кто же про него не слышал. А ты тут

каким боком?

– Имена у нас одинаковые. – Шимон опять рассмеялся. – Ну и тупоголовые дебилы там работают. Да я скорее поверю, что Оксенкруг чалится в банде Розенберга, чем ты.

– Спасибо на добром слове.

– Как там, кстати, Окс поживает? Что-то он давно ко мне не заглядывал. – Шимон закурил.

– У Окса все хорошо, а вот свои дела вы решайте без меня.

– Ох, Альфред.. Ты всегда старался держаться в стороне, стараясь никаким боком не впутываться в наши мутки.

– Ты ведь знаешь, меня такое не привлекает.

– Досталось бы мне такое наследство, как тебе, быть может, и меня бы такие дела не привлекали.– Шимон посмотрел на меня презрительным взглядом.

– Какое наследство? Все красные забрали.

– Ну, так и шо думаешь делать, пойдешь на завод?

– Нет.

– Грузчиком в порт?

– Нет.

– Так у тебя выхода другого нет. Шо ты думаешь по моему предложению?

– А меня в ЧК не загребут?

– Упаси бог. – Крикнул Шимон. – Ты понимаешь, сколько эта картина стоит? – Так шо давай, сделаем все чисто и красиво. Ты передашь, возьмешь деньги, вернешь их мне, а я тебе хорошо заплачу.

– Я подумаю.

– Думай быстрее, время не ждет.

– Хорошо, я тебе сообщу завтра. – Сказал я, пытаюсь спрятать довольную физиономию в облаке дыма. Признаться, я специально зашел к Шимону, чтобы он мне подкинул какую-то работёнку.

– Оксу привет. – Крикнул Шимон, когда я уже выходил из комнаты.

Вечером мы с Оксом сидели в «Сиреневом тумане». Деньгами мы похвастаться не могли, поэтому мы заказали рыбный пирог, запеченные баклажаны с начинкой и графин пшеничной

водки. Сидя в этом заведении, я уходил от

привычных забот, связывающих меня с родным городом. Тут не было веселых плясок, пьяных драк, сомнительной морали девиц и бандитского контингента мужиков. Сидя тут, я всегда вспоминал Европу – Францию или Германию. На фоне романтической и спокойной музыки люди, сидящие за столиками, придерживались этикета. На самом деле, мне не по карману такие заведения. Потеряв наследство, я могу только предаваться печальной ностальгии, находясь в подобной атмосфере.

Долгое время мы сидели с Оксом молча. Я осматривал посетителей и узнавал в них своих бывших друзей и знакомых. Лет 10 назад мы любили за бутылкой французского коньяка обсудить с ними политические вопросы. Сейчас же они, как и я, могут вспоминать это время только находясь в «Сиреневом тумане», при этом, не боясь транжирить остатки состояния, в свое время спрятанного от ЧК.

За одним из столов я увидел бывшую жену, которую сначала даже не узнал. Она медленно потягивала папиросу через ее любимый мундштук, а напротив нее сидел военный моряк в парадной форме. Они были увлечены беседой

и она никого вокруг не замечала. Я не хотел пересекаться с ней взглядами – пусть пребывает в своем мире, в котором уже давно нет меня. Я посмотрел на Окса, мы молча выпили по полной рюмке. Горечь от водки я закусил кусочком пирога.

Я услышал, как музыка стала более живой, но сначала не придавал этому никакого значения. Вдруг до моих ушей донесся голос, будто из рая. Этот голос слился со мной, мы стали единым целым, никогда я еще не ощущал такой красоты. Я не сразу обернулся, так как подумал, что это хмель и может мне все это мерещится. Когда я все же решился, я обомлел. Девушка удивительной красоты исполняла песню на французском. На ней было фиолетовое платье и несколько рядов белых бус на шее.

Она отправила меня в романтический Париж. Под эту песню можно было кружиться в белом танце на Елисейских полях. Я понял, что не смогу дальше жить, если не познакомлюсь с ней. Но я не знал, как это сделать. Ее я видел впервые, я

не знал кто она, замужем или нет, возможно ее муж сидел рядом... Но, как же она красиво пела! Я не знал, как мне быть дальше и, опрокинув в себя еще одну рюмку, развернулся полностью, желая рассмотреть каждую деталь ее тела. Свет

луны, пробивающийся через окна, отражался в ее карих глазах и кольце с изумрудом на среднем пальце правой руки. Я забыл обо всем и понял, что даже если она здесь одна и без мужа, я все равно не смогу к ней подойти, так как потерял дар речи. Я жестами показал Оксу, что надо выйти.

– Ты ее знаешь? – Судорожно спросил я, когда мы вышли. Огоньки звезд сверкали сквозь листья старой акации, которая своими ветвями покрывала крышу «Сиреневого тумана».

– Я таки всех знаю. А кого тебе надо? – Уточнил Окс.

– Девушку, которая поет.

– Аа.. Эту фифу зовут Лана Ласточкина – певица из Франции.

– У нее есть муж?

– Вроде нету. – У меня отлегло от души. Я вдохнул полной грудью бодрящий ночной воздух, который перемешивался со сладким запахом акации.

– Ты можешь меня с ней познакомить? – От волнения мой лоб покрылся небольшой испариной.

– Хм.. – Окс задумался. – В принципе, мы с Эммануилом Исааковичем, который, таки, держит это заведение, ходим в одну синагогу. —

Начал он своим привычным акцентом. – Я могу пригласить их за наш столик.

– А это Лана, точно не его любовница?

– А шо, тебя это когда-то останавливало?

– Ты прав, мне все равно.

– Так шо, я приглашу их за наш столик?

– Да, давай. – Быстро сказал я. – Нет, стой! —

Сказал я еще быстрее. – Давай не сегодня. Давай завтра, сегодня у меня гроши в кармане, завтра я найду деньги и...

– Я тебя понял. – Прервал меня на полуслове Окс.

Мы вернулись и допили бутылку. Я

блаженствовал, наслаждаясь песнями и

красотой Ланы Ласточкиной. Все тревоги от меня

ушли, я контролировал ситуацию и мечтал о

завтрашнем вечере.

– Пойдем пешком или поймать извозчика? —

Спросил Окс, когда мы вышли.

– Ты как хочешь, а я прогуляюсь по ночной Молдаванке.

– Альфред, ты с ума сошел?

– Не беспокойся, со мной ничего не случится.

Пока я гулял, песни Ланы божественной флейтой звучали у меня в голове. Ночные улицы Молдаванки были темными. В прилегающих к центру переулках царили шум и веселье, гуляли урки и рабочие. А улицы ближе к Слободке

были погружены в сон. Лишь стрекотание сверчков, словно в диком поле, периодически нарушало тишину.

Мне уже не казалось все таким бессмысленным. Предвкушение завтрашней встречи было словно ложка сахара в кружке мутного и крепкого чая моей повседневной жизни. И все же меня терзали некоторые сомнения. И это было даже не потому, что мои карманы были дырявые, почему-то я не сомневался, что найду на завтра деньги. Это было потому, что интуитивно я понимал, что обстоятельства могут сложиться неблагоприятно и Лана Ласточкина не придет завтра в «Сиреневый туман».

Время близилось к рассвету, я возвращался домой. Ночное небо постепенно покрывалось светлой лазурью. Возле входа в арку я встретил Леонида Гофтмана, одетого в повседневную форму ЧК ОГПУ, который, по всей видимости, возвращался со службы. Каждый раз, когда я видел подобную форму, у меня на мгновение останавливалось сердце. И не потому, что я что-то совершил. Просто я понимал, что моя жизнь и свобода зависят сугубо от внутреннего и эмоционального состояния субъекта, носящего такую одежду.

Гофтман выбросил окурок прямо мне под ноги, по всей видимости, меня не заметив. Он выглядел уставшим, на руках виднелись плохо смытые следы крови. Скорее всего всю ночь занимался допросами.

Мы пересеклись взглядами и, не сказав друг другу ни слова, побрели рядом в одном направлении. Поднявшись на третий этаж, мы

разошлись по квартирам. Меня захлестнула обида, что мы должны ютиться в коммуналке, в то время как Гофман живет в точно такой же квартире совсем один. Войдя на кухню, я, в кое-то веки, закурил. Обида отошла, ведь, в принципе, квартира у нас просторная и нам в ней не так уж и тесно. Соседи хорошие, а предыдущие ее хозяева, зажиточные буржуи, оставили квартиру в прекрасном состоянии. Мои соседи прибывали еще в глубоком сне. Хмельная моя голова подсказала мне постучаться в комнату к Инне, но это был бы чрезвычайно безрассудный и глупый поступок. Я оглянулся на двери других комнат, было желание с кем-нибудь пообщаться. Доктор Блюменколь так и не выходил за эти дни, Петр Гобченко закрывался на множество замков, он был всегда настороже, ожидая каждую минуту прихода ЧК. Он знал, что у них уже заведено

дело на него. Чекисты знали, что Гобченко воевал на стороне Гетьмана Скоропатского и сейчас состоит в политически радикальных движениях, которые пропагандируют контр-революционные идеи.

Тетю Соню я будить не хотел, поэтому достал из шкафчика в своей комнате бутылку коллекционного коньяка, выпил рюмку и полюхнулся в постель.

Поспав несколько часов, я встал бодрый и счастливый. Мне хотелось прыгнуть сквозь время напрямик в сегодняшний вечер. Я умылся и вышел в коридор, там пахло жареными бычками. На кухне тетя Соня возилась у плиты, а за столом сидел немой Берчик. Он носил черную жилетку на голом теле, из которой выпирал массивный живот. Ходили слухи, что немой Берчик раньше состоял в «Черной кошке», но как-то рассказал то, что рассказывать было нельзя. За это Альфред Розенберг отрезал ему язык и с тех пор Берчика все кличут немым. Не знаю, правда это или нет, но душа у Берчика была добрая. Друзей и знакомых у него не было, зато он находил общий язык с тетей Соней. Она

болтала, без умолку, а он слушал и уплетал то, чем она его кормила. В общем, идеальная пара. Пройдя мимо них, я поздоровался, залпом

выпил чашку холодного кофе, и не в состоянии больше ни секунды находиться в мерзком запахе поджаренных бычков, пулей вылетел из квартиры.

Во дворе стоял Леонид Гофтман в полной форме ЧК. Держа руки за спиной, он выслушивал бредни Ольги Вольф, среди которых были и доносы на ненадежных, по ее мнению, соседей.

Я решил заглянуть на родной Привоз. В первых рядах пахло свежим мясом. Мясники кромсали мясо, рубили кости, в общем, занимались обычной разделкой туш, но это выглядело весьма аппетитно. Далее расположились крестьяне, торгующие пшеном и другими зерновыми. Я вглядывался в их усталые лица, ходили слухи, что скоро у крестьян заберут последнее. В овощных рядах все продавцы почему-то меня знали. Со мной здоровались, интересовались моими делами, явно ожидая, что я что-то куплю. Я держался непринужденно и не подавал виду, что у меня дыры в кармане. Признаться, я вообще надеялся встретить меж

рядами бывших знакомых, которые бы великодушно одолжили мне денег.

Мои надежды были тщетны, так как люди, которых я встречал, скорее бы хотели одолжить денег у меня. В не очень бодром расположении духа я набрел на прилавок Циля. Она оживлённо беседовала с соседкой.

– Почем помидоры? – спросил я.

– Две тысячи за кило. – Крикнула она, не оборачиваясь.

– Циля, а что произошло? – После моего вопроса она повернулась.

– О, Альфред. Для тебя 300 рублей за кило.

– То -то же.

– Ну, ты таки сам пойми, это ваше модное слово инфляция, все такое. – Начала оправдываться она.

– Я понимаю. Дашь в долг? – Я сделал просяще-ехидную улыбку. Циля посмотрела недоверчиво.

– Пол кило, всего пол кило. В долг. Верну через пару дней, обещаю. Хочу тетю Соню попросить, чтобы сделала бычки в томате.

– Ой, ладно. – Махнула рукой Циля. – Совсем ты меня разоришь. Я послал ей воздушный поцелуй и завернул в другой ряд посмотреть, что там

происходит.

По мере моего приближения гудящий шум

привоза затихал. Я не сразу понял, в чем дело, но через несколько шагов осознал. Навстречу мне двигался с десятков слободских громил, во главе которых шел Соломон Кацман. Ни один человек не торговал на Привозе без его ведома и, соответственно, каждый ему платил. На Привозе в это время было много народа, но как только простой гражданин замечал вдалеке Соломона Кацмана, то сразу старался забиться в первый попавшийся угол, лишь бы его не заметили.

Я равнодушно встал посреди дороги и ожидал приближения слободских громил. То, что я не рыпаюсь, даже насторожило часть из них, ведь в атмосфере всеобщего страха они давно уже расслабились и не были готовы к такому. Первые два особенно напрягались, я увидел, как один сжимал кулаки, а второй начал рыскать рукой в пиджаке, видимо ища пистолет.

– Альфред, ты ли это?!... – Добродушно затянул Соломон Кацман, когда приблизился ко мне. — Вот это наши люди! Сколько лет мои глаза тебя не видали! – Мы крепко пожали руки, слегка обнялись. Мы хорошо общались в детстве – я, Шимон и Соломон. Когда мы гуляли на Слободке, взрослые нас шутливо называли «Троица не разлей водой». Хоть я был

мальчишкой из дворянской семьи, но никто не знал об этом, поэтому я гармонично влился в компанию этих двух беспризорников. Все же интересно распорядилась судьба. Теперь я, бывший аристократ, вынужден жить в страхе перед ЧК. Шимон, получивший прозвище «Кашерный», с помощью редкостного везения торгует контрабандой. Соломон же держит пол Одессы, конкурируя разве что с Натаном Королем, ну и, безусловно, с мифическим Альфредом Розенбергом.

– Какими судьбами тебя занесло в мои скромные владения? – Иронично спросил Соломон Кацман. Он иногда бросался, не совсем блатными, а скорее даже литературными фразочками, которые в свое время почерпнул от меня. – Где ты вообще потерялся?

– Я несколько лет слонялся по Европе. —

Прискорбно сказал я. Как деньги закончились, пришлось вернуться.

– Фарт закончился. – Надменно заявил Соломон.

– Какие планы имеешь на будущее? – Спросил он.

Я прикинул, что он может предложить мне пойти на него работать, и сразу понял, что надо действовать.

– Одолжи мне, пожалуйста, денег. – Попросил я.

Соломон улыбнулся и еще раз смерил меня взглядом с ног до головы.

– Альфред, для тебя как для друга, только как для друга, сколько угодно! Только ты ведь имеешь знания о моих расценках возврата?

– Напомни, пожалуйста. – Я пытался вести себя максимально вежливо.

– Тебе, только как другу, подчеркиваю: «только как другу», два дня даю на, чтобы вернуть деньги без процентов, через два дня сумма будет на половину выше, через неделю в два раза, ну а дальше...

– А, понял. – Прервал я его и тут же ощутил, что зря. Такой поступок был чересчур дерзкий с моей стороны. – Я извиняюсь. – Попытался вернуть все в привычное русло. – Просто я верну все через два – три дня. – Добавил я.

– Да без базара, когда вернешь, тогда вернешь, главное не затягивай. – Соломон сделал вид, что он не заметил моей дерзости. – Лейба. – Он щелкнул пальцами, один их громил протянул ему чемодан. Соломон покопался в нем и достал две полные пачки купюр. – Тебе хватит? — Спросил он. Я мельком просмотрел пачки.

– Вполне. – Ответил я.

– Альфред, ты сможешь меня найти здесь каждый день до полудня.

– Я тебя услышал. – Мы крепко пожали руки напоследок.

Глава 3

Часы, которые остались до вечера, тянулись как века. Я нервно переодевал смокинги, которые у меня остались от лучших времен. Как только я выбрал подходящий, освежив его ароматом французских духов, сразу вышел в кухню. Окс сидел там, ожидая меня. На нем красовалась оранжевая жилетка, шокирующего вида для Европы, но вполне подходящая для Одессы.

В «Сиреневом тумане» я старался придерживаться аристократических манер, даже пафосно курил, чего обычно не делал. Наш стол был на виду, за нами наблюдал весь «Сиреневый туман». Эммануил Исаакович не пожадничал и нам принесли: раков с лимоном, мидии с луком и зеленью, красную икру с тонкими европейскими тостами и французское вино. Окс налегал на все подряд, в то время как я лакомился только раками, ожидая скорый приход Ланы и не желая выглядеть перед ней «жлобом». Эммануил Исаакович подходил к нам регулярно, но никогда не задерживался более пяти минут. Я ждал выступления Ланы Ласточкиной настолько нервно, что желудок мой сузился до размера микроба и, съев четырех раков, я почувствовал, что наелся на год

вперед. Поскольку нечем было заняться, а есть больше не хотелось я, стал разглядывать публику. На этот раз никого не узнал, но подметил Инну, сидящую уже с другим моряком, но в такой же парадной форме, как и предыдущий.

Неожиданно я заметил, как Окс поднялся и приветливо широко раскрыл руки для объятий. Каково же было мое удивление, когда подошел Шимон Кашерный и обнялся с Оксом. Он бросил на меня беглый взгляд и удивился еще больше, чем я. – Альфред! Ну, здравствуй родной! Наудачу тебя встретил, шо по нашим делам? Ты обдумал мое предложение? – Я жестами объяснил ему, что обсудим это позже. Я хотел еще что-то сказать, но музыка заиграла в моей душе – это запела Лана Ласточкина. На этот раз она пела по-русски, я так глубоко погрузился в содержание слов ее песни, как железный якорь в воду. Бесконечно впитывать красоту ее голоса присуще было только мне. Остальным тоже нравилось, но они не в состоянии

были оценить сказочный талант певицы.

После ее выступления «Сиреневый туман» взорвался овациями и Лане преподнесли несколько букетов цветов. Я ревностно поглядывал на этих безрассудных буржуев.

Эммануил Исаакович подошел к нашему столу в сопровождении своей жены Беллы, слегка располневшей еврейки с ярко выраженным вторым подбородком. Она была облачена в длинное красное платье, гармонирующее с цветом ее губ. Лана Ласточкина подошла следом, на ней красовались синее платье, шикарная прическа и белые бусы. Шимон Кашерный, в отличии от меня, не растерялся. Он встал с места, провел Лану к нашему столу и, отодвинув стул, помог ей присесть. От волнения я так крепко сжал бокал, что он едва не треснул у меня в руках.

– Вы отлично сегодня спели, Лана. – Сделала ей комплимент Белла.

– В прочем, как и всегда. – Добавил Эммануил Исаакович

– Спасибо. – Засмущалась Лана.

– Вы француженка? – Поинтересовался Шимон.

– Наполовину. – Ответила Лана. Шимон начал осыпать ее комплиментами. Он был в более выгодном положении, так как усадил ее рядом с собой, я же сидел напротив в другом конце стола. Эммануил Исаакович скомандовал и нам подали горячее — венгерский гуляш и жареных куропаток.

– Таки сегодня мы явствуем на славу. Благодарю, Эммануил Исаакович. – Сказал Окс.

– Всегда рады, Абрам Исаакович. – Ответил тот. Шимон Кашерный рассмеялся, я его понимал. Окс редко кто кличет по имени отчеству. Шимон, как осьминог, прилип к Лане. Она периодически поглаживала волосы. Я видел, как постепенно падают мои шансы на успех, нужно было исправлять ситуацию в свою пользу. Я поднял бокал и встал с места, всем видом показывая, что хочу произнести тост.

– Я предлагаю выпить за настоящую красивую музыку. Ведь только она способна порой достать человека из глубокой пучины житейских проблем и вернуть ему радость жизни. Помимо самой музыки, я предлагаю выпить за не менее важный фактор – такой, как человеческий голос. Иногда поражает, как его звучание может запасть в самую глубину души

человека и оставаться там очень долго. – Я пристально посмотрел в карие глаза Ланы. Мы выпили. Своим тостом я немного привлек Лану в нашу сторону, теперь она принадлежала не только навязчивому Шимону.

Внезапно к Шимону подбежал какой-то мальчуган беспризорник, который явно не должен был здесь находиться, протянул ему какой-то листок и ускакал

прочь. Эммануил Исаакович выразил невероятное возмущение и тоже удалился, видимо выяснять отношения с вышибалами, которые пропустили беспризорника. Шимон же резко стал серьезным.

– Альфред, отойдем, перетрем. – Сказал он. Я последовал за ним. – Нужно, срочняком, двигать на дело, уже сейчас. – Нервно продолжил он. – Клиенты должны получить картину уже в конце этого часа. – Я бросил взгляд в сторону стола.

– Я согласен тебе помочь, но с одним условием.

– Излагай, мне все подходит. – Быстро выпалил Шимон.

– Ты навсегда забудешь про Лану Ласточкину!

– О-па-па. – Шимон улыбнулся. – Альфред, эта леди не твоего уровня. Когда ты владел сумасшедшим лавэ ты бы мог на нее претендовать, но сейчас... Ты знаешь запросы таких дам?

– Шимон, я не совета у тебя спрашиваю. Это мое условие.

– Шо, так сильно на нее запал?

– Как никогда ни на одну из женщин.

– Ну, раз так, то без базара. – Он махнул рукой. – Идем, у нас мало времени.

– Одну минуту. – Сказал я и подбежал к столику.

– Лана, можно вас на пару слов. – Элегантно обратился я к девушке. Она выразила недоумение.

– Ну, хорошо. – Я легонько взял кисть ее руки и отвел в сторону. В зале приятно звучала медленная классика в исполнении саксофониста.

– Лана, я бы очень хотел еще раз вас увидеть.

– Это не проблема, я каждый день пою в этом заведении. – Наивно сказала она, хотя мне показалось, что она поняла, к чему я веду.

– Это полезная информация для меня, Лана. Но я бы хотел встретиться с вами наедине.

– Ну, я право не знаю. – Засмушалась она.

– Я осмелюсь предположить, что вы живете на Французском бульваре?

– Как вы угадали?

– Шестое чувство... Давайте встретимся завтра в полдень на бульваре возле черемухи у фонтана. Прогуляемся с вами вдоль моря, а потом пообедаем где-то.

– Заманчивое предложение...

– Не обессудьте, я буду ждать вас завтра там. – Я проникновенным взглядом посмотрел в ее глаза. В них отражался свет дорогой люстры. Музыка саксофона и завораживающие песни, которые Лана исполняла своим изумительным голосом, подняли мне настроение. Затем я подбежал к столику.

– Эммануил Исаакович, сколько я вам должен за ужин?

– Альфред, я вас умоляю. Вы ведь ничего и не ели, а то незначительное будет за счет заведения. – Сказал он с улыбкой.

– Премного благодарен. – Сказал я и наклонился к Оксу.

– Окс, дружище. – Я сунул ему стопку денег. — Пожалуйста, любым способом выясни адрес Ланы и отправь завтра утром туда цветы. Подпиши от моего имени.

– Я обмозгую это. – Отшутился он, но я еле услышал его, так как уже возвращался к Шимону Кашерному. Я знал, что Окс выполнит мою просьбу, он был хорошим другом.

Мы отправились в одну из запасных квартир Шимона. Он повел меня через дворы, затем по ржавым железным лестницам и, поколдовав возле окна, на втором этаже, залез внутрь. Я проделал тот же путь.

– Альфред, тут везде могут быть чекисты. Я специально не пошел через черный ход, так как они именно его пасут. – Он протянул мне завернутую картину, изящно замаскированную вообще не понятно подо что. – Ты спокойно выходи через главный ход и отправляйся на пустырь, где мы в детстве прятались от жандармов. К тебе подойдут люди. Не парься, это будут именно те люди, которые

надо. Они отдадут конверт. Бабло не пересчитывай! Возьми его и спокойно иди домой, я перехвачу тебя по дороге.

– Хорошо. – Сказал я. План хоть и выглядел красиво, но был крайне сомнительный. Но отступать уже было поздно.

Я выполнил все, что наказал мне Шимон. Я стоял на

пустыре, практически, на окраине города. По близости не было ни одного фонаря, тишина была не просто мертвая, а скорее даже гробовая. Внезапный пьяный крик где-то вдалеке заставил меня вздрогнуть так сильно, будто меня вздернули на виселице. Я стоял спокойно, хотя это было излишне, меня все равно никто не увидел бы. В такое время здесь мог разгуливать только сумасшедший, или Ольга Вольф. Я размышлял про нравоучения Инны, которыми она меня пичкала на протяжении всего нашего брака. Она скептически относилась к моим авантюрам, постоянно нервничала и переживала за меня. Так же я вспомнил детство. Вспомнил, как я, Шимон и Соломон слонялись по этому пустырю. Если бы мои родители узнали, где я гулял, то меня бы высекли похлеще слуги, которого уличили в краже. Две темные фигуры внезапно возникли передо мной. На секунду мне показалось, что это чекисты и душа

моя ушла в пятки. Первая мысль была бросить картину и бежать, но я решил остаться на месте. Они подошли вдвоем. Не сказав мне не слова, первый взял у меня из рук картину, а второй быстро протянул конверт. Я, следуя инструкции Шимона, развернулся и побрел в центр города, не оглядываясь.

Шимон поджидал меня возле арки, через которую можно было войти в мой двор. В зубах у него торчала папироса, а руки были в карманах.

– Давай конверт. – Сказал он и при мне открыл его.

Конверт был толстый, я даже представить себе не мог, сколько в нем было денег. Шимон отсчитал и протянул мне пятьсот долларов.

– Серьезно? Это ведь пол моего наследства. – Пошутил я. – И все что мне нужно было сделать, это передать картину? – Я посмотрел на него недоверчиво.

– Альфред, я тебе заплатил не за трудную работу, а как человеку, которому можно доверять. – Спокойно сказал Шимон. – Ведь таких людей сейчас не найти. — Он приподнял шляпу и ушел.

Войдя в квартиру, я увидел, как за кухонным столом заседает Петр Гобченко со своими пятью друзьями. Среди них я узнал своего школьного приятеля

Михаила Эдинбургского и знакомого по буржуазным балам Юрия Крылатова.

– Альфред! Я знал, что ты придешь, мы тебя ждали. — Сказал Михаил.

- Интересно. – Спокойно ответил я.
- Выпьешь с нами? – Предложил Петр Гобченко.
- Почему бы и нет. – В легкой эйфории произнес я.
- На столе у них стояла бутылка водки, была порезана ливерная колбаса и несколько открытых рыбных консервов. Я присел между Михаилом и еще каким-то бывшим буржуа. Мне протянули до верха наполненную рюмку. Я взял в руку кусок колбасы и, опрокинув в себя водку, заранее приготовился к противной горечи, но не почувствовал ее.
- Это простая вода. – Удивленно сказал я.
- Тихо. – Михаил прижал палец к губе. А ты что думал?
- Спросил он шепотом. – Мы ведь здесь не квасить сели.
- А что тогда делать? – Непонимающе спросил я.
- Подумай. – Жестко сказал Михаил.
- Белое собрание и контр революция. – Сказал я без юмора, все осознав. – Но зачем вам тогда этот цирк?
- Тихо. – Сказал на этот раз уже Петр Гобченко. — Гофтман. – Произнес он шепотом, указав на дверь.
- Ясно. – Я начал приподниматься с места.
- Подожди! – Михаил схватил мою руку за

предплечье. – Может сейчас не самый лучший момент, но ты должен к нам присоединиться.

- Не думаю. – Ответил я.
- Как это так? Ты что, не хочешь вернуть свои деньги, свое наследство, которое было бандитски отобрано этими бывшими крепостными?! Эти деньги твои предки зарабатывали веками, а ты все просто так им отдашь? – Он долго смотрел на меня. – Нас больше, чем они думают. – Белые войска скоро будут в городе. Встанешь ли ты на нашу сторону?
- Ну, как только придут, ты мне сообщи. – Спокойно сказал я. Мне показалось, что он чокнулся и превратился в утопического фанатика.
- У меня... Следующее собрание будет у меня. Я хочу тебя там видеть.
- Петр мне сообщит. – Я выдернул руку и отправился в свою комнату.

Утром я проснулся преисполненный счастья, ведь сегодня была встреча с прекраснейшей Ланой Ласточкиной. Я умылся и еще раз пересчитал деньги, которые у меня были. Четыреста долларов я положил в нижнюю полку шкафа, где лежал мой револьвер. Другие сто вместе с рублями, одолженными у Соломона Кацмана, разложил по карманам. Первым делом я решил зайти к бывшей жене. Я

подошел к двери Болконских. Сразу заходить не стал, а решил лишний раз подумать – вдруг она там не одна? Поняв, что мне все равно, несколько раз ударил по двери. Инна сразу же открыла. Она была в белом домашнем платье и, как всегда, с пышными русыми волосами. Она их расчесывала круглыми сутками. Даня сидел и играл деревянными солдатиками.

– Сынок, иди погуляй. – Сказал я.

– А можно я возьму с собой игрушки? – Умоляюще спросил он.

– Нет! – Жестко отрезала Инна.

– Почему же нет? Пусть берет.

– Альфред, ты в своем уме? Он же их все растеряет.

– Ничего, мы ему новые купим. – Инна кажется все поняла.

– Ладно, путь идет. – Согласилась она.

– Ура! Спасибо папа!

– Развлекайся. – Даня выбежал из комнаты.

– Курить будешь? – Спросил я Инну.

– Не откажусь. – Я протянул ей пачку.

– У тебя хорошие новости? – В предвкушении спросила она.

– Да. – Я положил на кровать пачку денег. – Это вам на первое время. Тут должно хватить на все нужды.

– Альфред, откуда у тебя столько денег?

– Не важно.

– Как не важно? Что ты уже сделал? – Заботливо спросила она. Я не собирался отвечать на этот вопрос, поэтому пошел в контратаку.

– Болконская, а мне интересно, почему тебе не дают деньги моряки, с которыми ты так влюбленно ужинаешь в ресторанах? – Инна сделала обиженный вид.

– Что это еще за вопросы?

– Очень даже прямые.

– Знаешь что, Верховный! Это наш с тобой ребенок и мы должны о нем заботиться, а не другие мужчины.

– Ну, так то да. – Согласился я. – Просто мне интересно... – Я оборвал фразу.

– Что тебе интересно?

– Видишь, ли... Ты, конечно, ничего дурного не подумай... – Я улыбнулся. – Мы с тобой долго живем в одной квартире и я ни разу не видел, чтобы ты к себе приводила кавалера. – Инна опешила.

– Верховный! – Вскипела она. – Тебе- то какая разница?!

– Ну, я ведь о тебе забочусь. Ты молодая еще женщина, могла бы Даню оставить у меня, а сама тем временем..

– Какой же ты бываешь противный! И зачем я только за тебя замуж вышла? – Задала она вопрос в никуда.

– Ну, наверное потому, что я играл на пианино и писал стихи. – Взял на себя наглость ответить я.

– Все, Верховный, уйди пожалуйста, пока я тебя не убила.

– Гофтман, неподалеку. – Сказал я, стоя в дверях.

– Иди уже. – Она вытолкнула меня. Оставшись в коридоре, я начал смеяться. Это был мой первый искренний смех за последние несколько недель.

В это время из своей комнаты вышел Петр Гобченко вместе с низкорослой простушкой.

– Это моя невеста Мария. – Представил он ее.

– Очень приятно. – Ответил я.

– Я вам сообщу, как только будут какие-то новости по нашему делу. – В армейском стиле сообщил он.

– Хорошо. – Отмахнулся я

Глава 4

Лану я ждал, сидя на скамеечке и наблюдая за цветущей черемухой. Почему-то я был уверен, что она придет. Фонтан бил прозрачной водой, в брызгах которой я видел свою прошлую красивую жизнь. Я бы хотел увидеть в них и будущую, такую же

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.